

Трансгуманизм и постгуманизм в контексте религиоведения

И. А. Тульпе

*Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Введение. Объектом исследования является проблематика трансгуманизма (ТГ) и постгуманизма (ПГ) в тематическом пространстве религиоведения. Предмет исследования – отношение религии/религий к идеям и сценариям будущего, предлагаемым ТГ и ПГ. Трансгуманизм и постгуманизм прокладывают два пути к будущему: радикальное продление жизни в теле или бестелесное кибернетическое бессмертие. И то, и другое – попытки создать будущее без смерти.

Содержание. В статье рассматриваются религиозные оценки транс- и постгуманизма, а также включенность разных религий в трансгуманистическую проблематику совершенствования/улучшения человека. Наиболее существенный аспект проблемы заключается в сопоставлении предельных целей религий и способов их достижения с тем, что предлагается ТГ и ПГ. Обсуждается проблема предполагаемого бессмертия, при том экзистенциальном значении, которое имело для человека знание о неизбежности смерти: только человек способен не просто знать о своей конечности, но и руководствоваться этим знанием, определяя смысл/смыслы своего существования.

Выводы. Ключевое расхождение между религиями и транс- постгуманистическими проектами заключается в различном понимании целей – обеспеченное технологиями бесконечное долголетие vs посмертного блаженства, целиком или частично (с божьей помощью) достигаемого личными усилиями верующего.

Теоретически можно предположить, что насколько религии способны адаптироваться к меняющимся условиям, настолько они «по умолчанию» примут изменения или будут изменять базовые вероучительные формулировки, интерпретируя их содержательную часть сообразно наличной действительности.

Ключевые слова: трансгуманизм, постгуманизм, религии, телесность, человек, технологическое бессмертие, религиозное бессмертие.

Для цитирования: Тульпе И. А. Трансгуманизм и постгуманизм в контексте религиоведения // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2024. – № 1. – С. 200–214. DOI: 10.35231/18186653_2024_1_200. EDN: OSZZAW

Transhumanism and Posthumanism in the Religious Studies Context

Irina A. Tul'pe

*Pushkin Leningrad State University,
Sankt-Peterburg, Russian Federation*

Introduction. The object of the research is the problems of transhumanism (TG) and posthumanism (PG) in the thematic space of religious studies. The subject of the study is the relationship of religion/religions to the ideas and scenarios of the future proposed by TG and PG. Transhumanism and posthumanism pave two paths to the future: radical prolongation of life in the body or disembodied cybernetic immortality. Both are attempts to create a future without death.

Content. The article examines religious assessments of trans- and posthumanism, as well as the inclusion of different religions in the transhumanistic problems of human perfection/betterment. The most significant aspect of the problem is to compare the ultimate goals of religions and the ways to achieve them with what is proposed by TG and PG. The problem of supposed immortality is discussed, with the existential significance that knowledge of the inevitability of death had for a person: only a person is able not only to know about his finiteness, but also to be guided by this knowledge, determining the meaning/meanings of his existence.

Conclusion. The key difference between religions and trans- posthumanist projects lies in the different understanding of goals – technology-provided endless longevity vs posthumous bliss, achieved in whole or in part (with God's help) by the personal efforts of the believer.

Theoretically, it can be assumed that to the extent that religions are able to adapt to changing conditions, they will either accept changes by default or will change the basic doctrinal formulations, interpreting their substantial part in accordance with the present reality.

Key words: transhumanism, posthumanism, religions, corporeality, human being, technological immortality, religious immortality.

For citation: Tul'pe, I. A. (2024) Transgumanizm i postgumanizm v kontekste religiovedeniya [Transhumanism and Posthumanism in the Religious Studies Context]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 1. Pp. 200–214. (In Russian). DOI: 10.35231/18186653_2024_1_200. EDN: OSZZAW

Введение

Трансгуманизм, по Дж. Хаксли [17, р. 13–17], это вера в то, человек как вид может и должен превзойти себя путем реализации новых возможностей человеческой природы. По мере успехов науки и технологий мечта перестала казаться такой уж несбыточной. Поскольку речь идет о качественно другом человеке (транс- или пост-), интеллектуальные движения, сообразно объекту своих провидческих исследований, называют себя трансгуманизмом (ТГ) и постгуманизмом (ПГ).

Выходящие за пределы гуманизма (как интеллектуального феномена), оба движения стараются определиться в своих отношениях с ним, включая вопрос о собственных «корнях». Сравнения с гуманизмом – по происхождению или сходству – позволяют включить ТГ в культурную интенцию или исключить из неё. Хотя, если усмотреть в ТГ и в ПГ отказ от гуманистической традиции, этот факт можно оценивать не только сугубо негативно [2; 3], но и позитивно, предположив, что гуманистическая мысль не могла не перерасти своих традиционных форм, сложившихся в доинформационную эпоху.

ТГ – кластер технооптимистических идей, движений, институтов, представляющих будущего человека, совершенствуемым телесно и духовно; некоторые трансгуманисты видят возможной целью достижение уровня постчеловека [1]. ПГ – зонтичное наименование для таких западных явлений и рефлексий о них, как феминизм, постколониализм, эйджизм и т. п., теоретически и практически противостоящих классической (витрувианской) модели человека. ПГ, в отличие от ТГ, практически не ищет своих теоретических корней в глубинах европейской философии, скорее, позиционируя себя в качестве новой философии, предметом которой является кто/что и как придет на смену человеку [5; 15].

Содержание исследования

На рубеже XX и XXI вв. возникает взаимный интерес ТГ/ПГ и разных религий. С одной стороны, религии вовлекаются в дискуссии по биоэтике непосредственно с технологами, занятыми медицинскими и биологическими теориями и практиками. С другой стороны, существующие в современности религии реагируют не только на возможное (или неизбежное)

влияние на их системы конструируемых (ими или другими) ценностей и перспектив научного прогресса, но и на «идеологическую поддержку» этого процесса со стороны ТГ и ПГ. Это стимулирует трансгуманистов, видящих в технологиях основной ресурс преобразования человека, понять религиозные доводы *pro et contra*.

Мировоззренчески ТГ и ПГ принадлежат западной традиции и ориентируются главным образом на христианскую модель религии, в то время как технологическое развитие имеет общемировой характер и может вызывать реакции со стороны различных религий. Не исключено, впрочем, что многие конфессиональные рефлексии в проблемном поле ТГ/ПГ (например индийские или китайские традиции, а также иудаизм и ислам) стимулируются скорее авторами-составителями тематических коллективных монографий, нежели потребностью определиться. Не пытаясь объять необъятное, обозначим позиции некоторых из них.

ПГ предполагает появление *постлюдей*, обладающих экстраординарными когнитивными и физическими способностями. О похожих существах говорит и **буддизм**. Однако различие «проектов» в том, что будды и бодхисаттвы обретают такие способности, целенаправленно занимаясь определенными практиками с целью применить свою «сверхъестественную» силу для научения живых существ тому, как достичь освобождения. С этой точки зрения, ценность биотехнологического усовершенствования человеческого существа, без этической и медитативной дисциплины с его стороны, может быть подвергнута сомнению. Кроме того, не все сторонники буддизма были бы готовы избрать гипотетический кратчайший путь к просветлению с помощью технологий. Основной принцип буддийской философии заключается в использовании потенциала духовного роста, открываемого человеческим страданием, а не в стремлении избежать страданий с помощью технологических усовершенствований.

В отличие от животных, голодных призраков и обитателей ада, которые страдают жестоким или изнуряющим образом, от полубогов, постоянно вступающих в битвы, или от богов, которые испытывают такое блаженство, что у них нет мотивации заниматься практиками, ведущими к освобождению, люди обла-

дают способностью следовать по пути, который заканчивается освобождением. Именно человеческая жизнь наиболее благоприятна для эффективной и осмысленной духовной работы: этический образ жизни и медитативные практики потенциально ведут к выходу из круговорота рождений и смертей [4; 18; 20].

Продолжительность жизни именно человека, согласно **индуистским верованиям**, идеально подходит для стремления к освобождению или спасению: эта жизнь не настолько коротка и «животна», чтобы человек не мог стремиться к освобождению, и не настолько «сверхчеловечески» комфортна, чтобы человек не беспокоился о духовных вопросах. Таким образом, ТГ компрометирует уникальность человеческого состояния: это привело бы к тому, что люди стали бы меньше беспокоиться о мокше и больше о дхарме, артхе и камее [26, pp. 150–151]. Впрочем, указывают на такой аспект индуистского учения о дхарме, как наличие моральных дилемм, которые неразрешимы с помощью разума или достаточной веры и, возможно, что радикально более продолжительная жизнь позволит человеку воспользоваться большим объемом опыта, что отразится на качестве решения. Если психическая жизнь человека сохранит ту же конфигурацию, то и в бесконечной жизни люди все же могут стремиться к освобождению от конечности [26].

Поскольку в индуизме тело рассматривается как процессное раскрытие сознания через множество разнообразных форм, то нет проблемы усовершенствования тела. Раз человек естественным образом переселяется в новое тело после смерти, то лучше усердно самосовершенствоваться в этом теле и с благодарностью относиться к перспективе обретения нового. С другой стороны, посредством систематического применения йогических упражнений и усилием воли человек может активно изменять форму своего тела и установки в своем уме [7]. Практикующие тантру воспринимают тело как сложную многоуровневую систему, которая голографически воплощает и отражает Вселенную, постоянно восстанавливающую себя, утверждающую на макроуровне, что у вещей нет окончательного конца, а есть только их трансформация во вновь возникающие формы. С этой точки зрения, продление жизни не имеет ценности. Самое важное – это не продолжительность жизни, а то, что достигается освобождающая мудрость [19].

Согласно философии и практике **джайнизма**, жизнь принимает множество форм от элементарной до иерархически сложной. В зависимости от действий человека, жизнь может принимать форму в адском, земном или небесном царствах или, в случае свободы от всякой кармы, в царстве трансцендентного. Человеческое тело не только несет в себе всю Вселенную, но и является единственным средством, с помощью которого может быть достигнута свобода (чему служат различные формы аскезы и медитации, неуклонное следование пяти этическим принципам). Человеческое тело становится средством самопревосхождения.

Если термин «трансгуманизм» указывает на то что индивид выходит за рамки обычных ограничений человеческой жизни, то такие цели, как продление жизни и улучшение общего самочувствия человека, не противоречат цели джайнизма – достижению состояния свободы. Хотя не избежать напряжения между возможностью прожить чрезвычайно долгую драгоценную человеческую жизнь и доктриной (и практикой) отречения от привязанности к этой жизни и телу [8; 13].

В то время, как **конфуцианство** стремится к совершенству человечества с точки зрения добродетели и нравственности (Мудрец), трансгуманизм стремится к максимальному совершенствованию человечества с точки зрения интеллекта и силы (Киборг). Конфуцианский проект заключается в возвращении к изначальному человечеству, каким оно было определено Небом (высшей основой бытия), Трансгуманистический проект – в том, чтобы разорвать биологические оковы нынешнего хрупкого состояния человека и перейти к дальнейшей эволюции с помощью радикальных научных и технологических вмешательств. Человеческий разум (точнее, разум-и-сердце) в конфуцианстве в общем чужд западному наследию дуализма разума и тела. С конфуцианской точки зрения, техническое усовершенствование и механическая трансформация человечества без тщательного самосовершенствования – опасная идея, которая может привести к фатальным катастрофам в мире [16, pp. 106–108].

Религии, не имеющие идеи сотворения человека и принадлежности его тела Творцу, в целом могут не возражать против технологических вмешательств, которые осуществля-

ются уже сегодня и на которые опираются в своих мечтаниях последователи ТГ и ПГ. Тем более, что в этих традициях, хотя и по-разному, за свой выход из земных тенет отвечает сам индивид, соблюдая определенные моральные принципы, которые могут рассматриваться как часть конкретных для каждой традиции практик, способствующих достижению заявляемой цели. Увеличение продолжительности жизни расширяет возможности при перерождении. Инакость постчеловека может расцениваться как цель, совпадающая с той трансцендентностью, к которой движется правильно практикующий верующий. Вопрос упирается в это самое «трансцендентное» в его соотношении со смыслами, которые придаются приставке «пост-».

Религии библейского корня, конечно, имеют особенности в понимании цели человеческой жизни и способов ее достижения. Насколько они совместимы с результатами внедрения технологий, улучшающих тело, и с идеями ТГ и ПГ?

Иудаизм утверждает, что Богу принадлежит все, включая человеческие тела. Бог одалживает их на время нашей жизни, и мы возвращаем их Богу, когда умираем. То, что человек создан по образу и подобию Божьему, придает ценность жизни, независимо от уровня способностей или недееспособности индивида. Тело не рассматривается в качестве низшей части человека – ни как вместилище грехов, ни как роднящее нас с животными (в отличие от разума, присущего только человеку). Хотя смертность – неотъемлемое свойство человека, не вкусившего плодов Древа Жизни, забота о теле, в том числе, медицинская, предполагает заботу о максимально возможном продлении жизни. Принятие биомедицинских технологий основывается не только на вероучительных положениях иудаизма, но обусловливается демографическим и медицинским аспектами наличного существования носителей традиции [25, pp. 109–113].

Цели научных исследований и технологий следует оценивать с точки зрения религиозных ценностей (а они, в свою очередь, выходят за рамки любой научной методологии). Трансгуманистический технооптимизм и его видение постчеловеческого мира, с точки зрения еврейской философии, кажется секулярным, материалистичным и утопичным. Здесь «конечная цель» определяется в человеческих терминах, оши-

бочно отождествляющих совершенство с благополучием человеческого тела [25, р. 127].

По мнению раввина Э. Дорффа, радикальное продление жизни может повлиять на представления о мессианских временах, будь то учение о Мессии или более современная идея мессианской эпохи, которую люди создадут сами, не дожидаясь сверхъестественного заступника. И тогда увеличение продолжительности жизни продлило бы необходимое для этого время [12, pp. 70–71].

И в **исламе** человеческое тело – этот божественный дар, который возвратится к Создателю. Чтобы доказать свою истинную ценность, все люди должны подвергнуться испытаниям земной жизни. Это период, когда человек способен совершать добродетельные поступки, которые после его неизбежной смерти принесут плоды в загробной жизни. Не сопряженное с духовным совершенствованием продление жизни само по себе не имеет никакой ценности.

Спектр взглядов на диалектическую взаимосвязь веры и разума воплотился в основные школы исламской теолого-правовой мысли. Можно предполагать, что те из школ, которые усмотрят в технологиях улучшения человека попытки имитировать божественное творение, манипулировать творением или вмешиваться в творение Бога и претендовать на статус со-творцов, окажут им сопротивление. Напротив, как считает доктор Хамид Мавани, теология, которая допускает использование человеческого рассуждения в процессе обсуждения, вместо того чтобы запретить эти новые технологии, будет способна к новой интерпретации источников откровения (*иджитхад*), чтобы выводить юридические и этические судебные решения, полагаясь на общие принципы текстов откровения [22, р. 81].

Ответ на ключевой вопрос, что значит быть человеком, знает только Бог, а человек стремится этот ответ угадать; в Боге заключены цель человеческой жизни, совершенство человеческого сознания и переживание блаженства. Концепция совершенного человека – главная среди идей, разделяемых ортодоксией ислама и суфизмом, суннитами и шиитами. На этой концепции основываются суфийская мистическая практика и нравственное развитие. Находящиеся в том же поиске трансгуманисты отрицают статичную природу челове-

ка, что оправдывает цель – бесконечное совершенствование. Они «упраздняют» смерть, тем самым признавая ее «миссию» по искоренению природных недостатков, совершенствование же видится в усилении тех человеческих качеств, которые известны и ценимы сегодня [21]. Если продление здоровой человеческой жизни на неопределенный срок может быть приемлемо в рамках исламской религиозной системы, то отказ от физического тела или принятие постгуманистической идеи бессмертия – вызов эсхатологическим доктринам ислама, связанным со смертью, воскресением и загробной жизнью.

Насколько специфичны в своем отношении к идеям ТГ и ПГ основные ветви христианства, в ключевых доктринах которого тело занимает центральное место?

Отделяя классическое святоотеческое учение восточного **православия** о теозисе от религиозной философии трансгуманизма, философ и теолог Галлахер Брендон отмечает следующее. В православии, религии богочеловечества, человек создан для соединения с Богом в Иисусе Христе. Это призвание быть причастниками божественной природы вновь обретено через смерть Христа. Трансгуманизм же пытается устранить смерть технологически, а постчеловеческая судьба – сознательно осуществляемый проект возвышения человека над природой с помощью технологий. Иными словами, требуется отличать обожествление по божественной милости от самообожествления посредством технотрансформации. ТГ, по его мнению, есть «сатанинское искушение», заложенное западной технологизацией всей реальности [14, р. 174].

Не столь радикальная оценка представлена румынским исследователем К. Э. Цира [9]. Согласно православной антропологии, Сын Божий воплотился для обожествления человека: действительная модель обожения человека предлагается христологией, а место ее осуществления показано экклезиологией. Цель церкви – спасение человека и его бессмертие – достигается таинствами, молитвой, постом и нравственным совершенствованием. ТГ и ПГ прогнозируют получение нового человека научно-технологическими средствами, а постчеловеческий мир предстает царством Божиим, но без Бога.

Опыт поиска оснований для диалога осуществлен американским исследователем Ю. Клеем [10], сопоставившим ТГ

с богословско-философской ипостасью православия в лице Максима Исповедника и Н. Ф. Федорова. Если христоцентрический теизм первого чужд основанному на материалистической эволюции проекту ТГ, то «философия общего дела» Федорова, пытавшегося синтезировать православное учение о Боговоплощении и воскресении с современной ему материалистической наукой, может оказаться вполне плодотворной для диалога с ТГ/ПГ. Идеями, сближающими ТГ и ПГ с религией или религиозными концепциями, можно считать совпадения в понимании: сущностной доброты и потенциала человечества; теорий прогресса и славной судьбы человечества, зависящей от выбора и действий человека; обожения и выхода за наличные состояния тела; наконец, представления о наличии цели у Вселенной (цель от Творца / цель от человечества). Трансгуманистические мечты о трансформации тела или загрузке сознания и личности в суперкомпьютеры представляются секуляризованными версиями христианского обещания воскресения. Поскольку в упомянутых речь идет не о позиции Церкви, официальном церковном учении, а о более или менее свободных интерпретациях православной традиции, то закономерна их вариативность от принципиальной враждебности до ориентированности на возможность диалога.

Последние две тысячи лет были непрерывным процессом разработки и «бета-тестирования» способов продвижения и приумножения усилий человека, направленных на единение с Богом (таинства, богослужение, молитва). В рамках такого широкого понимания человеческой жизни складывается **римско-католическое** восприятие постгуманизма [6]. Технологии играют очевидную роль в работе по завершению творения, позволяя всему творению достичь полноты. Но необходимо позаботиться о том, чтобы они защищали достоинство, поддерживали развитие полноценной личности, содействовали справедливости и обеспечивали солидарность. ПГ, нацеленный на бесконечное продолжение жизни, как будто оставляет в стороне важный для католицизма исторический характер личности: «мы – исторические существа, действующие во времени, чтобы стать более полными самими собой» [6, р. 210]. Вечная жизнь достигается не бессрочным продлением жизни в земном физическом теле, но – после телесной смерти, в состоянии,

выходящем за его пределы. Телесность и материальность воскресшего тела превосходят известную нам природу [24, р. 135–136]. Технологическое продление жизни по-прежнему оставляет тело уязвимым для катастрофических травм или других причин смерти, за пределами надежды на медицину. К тому же «технологически бессмертное» не может пережить Вселенную, которая его поддерживает. Поэтому технологические усилия по созданию относительного бессмертия не посягают на религиозные надежды на вечную жизнь, и главное – оно не «равносильно» истинному бессмертию [11, р. 53].

При оценке совместимости **протестантизма** с ТГ и ПГ можно выделить два сценария. Умеренные трансгуманистические сценарии, удерживающие базовую преемственность с образом человеческого тела, могут получить поддержку интерпретаторов библейских и теологических текстов. Радикальный сценарий, предполагающий отказ от тела и перенос существенных аспектов «я» в цифровой субстрат, вызывает неприятие или, в крайнем случае, серьезную осторожность. При этом, справедливо отмечает К. Мерсер, гипотетическое развитие/реализация любого из них – с поддержкой протестантизма или без нее – потребует корректировки доктрин, ритуалов, нарративов и институтов [23].

Монотеистические религии обращают внимание на то, что ТГ и ПГ не видят в вере в Бога средства совершенствования человека и меры переживаемого в этой вере блаженства. Но это не мешает им находить в данных проектах точки соприкосновения. Религии смотрят в сторону ТГ и ПГ, вероятно, ища доводы, позволяющие применять свою «технологии здоровья», но подчеркивая, что человек – это не только здоровое тело. Слова «эсхатология» или «сотериология» в лексиконе ТГ и ПГ употребляются не религиозно, а скорее, метафорически, давая повод религиям подчеркивать, что их путь к посмертной судьбе и сама эта посмертная жизнь отличаются от светских утопических проектов. Последние, вероятно, апеллируют к опыту религий, обосновывая единство с ними в целеполагании (совершенный человек, апофеоз совершенства которого *послесмертен*).

Выводы

Религии, имеют они идеи сотворения человека и принадлежности его тела Творцу или нет, в целом не возражают против биотехнологических вмешательств, которые осуществляются уже сегодня и на которые опираются ТГ и ПГ. Камнем преткновения оказываются вопросы о цели бессмертия или жизни «до и после смерти», и о способах их достижения, о смерти как недостатке человеческой природы или необходимом условии жизни, и другие экзистенциальные проблемы.

Известно, что большая часть транс- и постгуманистов – агностики или атеисты, видящие будущее главным образом через достижения науки. Религии же, как бы позитивно и прагматично они ни относились к науке, не в ней видят будущее человека, поэтому они не «помощники» в строительстве пост-человеческого мира.

К различению проблем отношения религий к разным технологиям и к идеям ТГ/ПГ, религиоведению следует добавить различие и сравнение текстов и манифестов лидеров ТГ и ПГ с исследованиями включения транс/постгуманистических технологий и представлений о будущем человечества в повседневные практики верующих.

Список литературы

1. Ковба Д. М., Грибовод Е. Г. Теоретические аспекты феномена трансгуманизма: основные направления // Дискурс-Пи: научный журнал. – 2019. – № 3 (36). – С. 38–52.
2. Сазеева И. Б., Грошева Т. Н. Антигуманистический характер философии трансгуманизма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2017. – № 3 (77): в 2-х ч. Ч. 1. – С. 122–126.
3. Четверикова О. Н. Диктатура просвещенных. Дух и цели трансгуманизма. – М.: Благословение, 2015. – 160 с.
4. Beverley F. McGuire. Buddhist Uploads // *Posthumanism: The Future of Homo Sapiens* / Michael Bess and Diana Walsh Pasulka (eds). – Cengage Gale, 2018. – P. 143–153.
5. Braidotti R. *Posthuman Knowledge*. – Medford (MA): Polity Press, 2019. – 210 p.
6. Caccamo J. F. The Catholic Tradition and Posthumanism: A Matter of How to Be Human // *Posthumanism: the Future of Homo Sapiens: the unknown future of human enhancement* / Michael Bess and Diana Walsh Pasulka (eds). – Praeger ABC-Clio, LLC, 2015. – P. 201–212.
7. Chapple Chr. K. *Hinduism: Many Paths, Many Births* // *Transhumanism and the Body: The World Religions Speak* / Calvin Mercer and Derek F. Maher (eds). – New York: Palgrave Macmillan, 2014. – P. 51–66.
8. Chapple Chr. K. *Jainism: The Good Life and the Transcendence of Death* // *Transhumanism and the Body: The World Religions Speak* / Calvin Mercer and Derek F. Maher (eds). – New York: Palgrave Macmillan, 2014. – P. 85–100.
9. Cira C. E. *The Christian Orthodox Faith and Christian Transhumanism* // SUBBTO 65. – 2020. – No. 1. – P. 71–80.

10. Clay E. Transhumanism and the Orthodox Christian Tradition // Building Better Humans? Refocusing the Debate on Transhumanism / Hava Tirosh-Samuelsan and Kenneth L. Mossman (eds). – Peter Lang. Internationaler Verlag der Wissenschaften. 2011. – P. 157–180.
11. Cole-Turner R. Extreme Longevity Research: A Progressive Protestant Perspective // Religion and the implications of radical life extension / Derek F. Maher, Calvin Mercer (eds). – Palgrave Macmillan, 2009. – P. 51–61.
12. Dorff Elliot N. Becoming Yet More Like God: A Jewish Perspective on Radical Life Extension // Religion and the implications of radical life extension / Derek F. Maher, Calvin Mercer. (eds). – Palgrave Macmillan, 2009. – P. 63–74.
13. Fohr Sherry E. Karma, Austerity, and Time Cycles: Jainism and Radical Life Extension // Religion and the implications of radical life extension / Derek F. Maher, Calvin Mercer. (eds). – Palgrave Macmillan, 2009. – P. 75–84.
14. Gallaher B. Technological Theosis? An Eastern Orthodox Critique of Religious Transhumanism // Religious Transhumanism and Its Critics / Gouw Arvin M., Green Brian Patrick, Peters Ted (eds). – Lexington Books, 2022. P. 161–181.
15. Herbrechter S. Posthumanism: A Critical Analysis. – Bloomsbury Academic, 2013. – 247 p.
16. Heup Young Kim. Perfecting Humanity in Confucianism and Transhumanism. What Heaven imparts to human is called human nature // Religious Transhumanism and Its Critics / Gouw Arvin M., Green Brian Patrick, Peters Ted (eds). – Lexington Books, 2022. – P. 101–112.
17. Huxley J. New Bottles for New Wine. – London: Chatto & Windus. 1957. – 318 p.
18. Keith J. R. Buddhist Biohackers: The New Enlightenment // Posthumanism: The Future of Homo Sapiens / Michael Bess and Diana Walsh Pasulka (eds). Cengage Gale, 2018. – P. 213–225.
19. Lidke J. S., Dirnberger J. W. Churning the Ocean of Milk: Hindu Tantrism and Radical Life Technologies // Religion and the implications of radical life extension / Derek F. Maher, Calvin Mercer (eds). – Palgrave Macmillan, 2009. – P. 97–110.
20. Maher D. F. Two Wings of a Bird: Radical Life Extension from a Buddhist Perspective // Religion and the implications of radical life extension / Derek F. Maher, Calvin Mercer. (eds). – Palgrave Macmillan, 2009. – P. 111–122.
21. Mahootian F. Ideals of Human Perfection: A Comparison of Sufism and Transhumanism // Building Better Humans? Refocusing the Debate on Transhumanism / Hava Tirosh-Samuelsan and Kenneth L. Mossman. (eds). – Peter Lang; Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2011. – P. 133–156.
22. Mavani H. Islam – God’s Deputy: Islam and Transhumanism // Transhumanism and the Body: The World Religions Speak / Calvin Mercer and Derek F. Maher (eds). – New York: Palgrave Macmillan. 2014. – P. 67–84.
23. Mercer C. Protestant Christianity – Sorting Out Soma in the Debate About Transhumanism: One Protestant’s Perspective // Transhumanism and the Body: The World Religions Speak / Calvin Mercer and Derek F. Maher (eds). – New York: Palgrave Macmillan, 2014. – P. 137–154.
24. Nichols T. L. Radical Life Extension: Implications for Roman Catholicism // Religion and the implications of radical life extension / Derek F. Maher, Calvin Mercer (eds). – Palgrave Macmillan. 2009. – P. 133–144.
25. Samuelson N. and Tirosh-Samuelsan H. Jewish Perspectives on Transhumanism // Building Better Humans? Refocusing the Debate on Transhumanism / Hava Tirosh-Samuelsan and Kenneth L. Mossman (eds). – Peter Lang; Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2011. – P. 105–132.
26. Sharma A. “May You Live Long”: Religious Implications of Extreme Longevity in Hinduism // Religion and the implications of radical life extension / Derek F. Maher, Calvin Mercer (eds). – Palgrave Macmillan, 2009. – P. 145–154.

References

1. Kovba, D. M., Gribovod, E. G. (2019) Teoreticheskie aspekty fenomena transgumanizma: osnovnye napravleniya [Theoretical aspects of the transhumanism phenomenon: main directions]. *Nauchnyj zhurnal "Diskurs-Pi" – Scientific journal "Discourse-Pi"*. No. 3 (36). Pp. 38–52. (In Russian).

2. Sazeeva, I. B., Grosheva, T. N. (2017) Antigumanisticheskiy kharakter filosofii transgumanizma [Anti-humanistic character of the transhumanism philosophy]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*. Tambov: Gramota. No. 3 (77): Part. 1. Pp. 122–126. (In Russian).
3. Chetverikova, O. N. (2015) *Diktatura prosveshchennykh. Dukh i tseli transgumanizma* [Dictatorship of the Enlightened. The spirit and goals of transhumanism]. Moskva: Blagoslovenie. (In Russian).
4. Beverley, F. McGuire. (2018) Buddhist Uploads. *Posthumanism: The Future of Homo Sapiens* / Michael Bess and Diana Walsh Pasulka (eds). Cengage Gale, Pp. 143–153.
5. Braidotti, Rosi. (2019) *Posthuman Knowledge*. Medford (MA): Polity Press.
6. Caccamo, James F. (2015) The Catholic Tradition and Posthumanism: A Matter of How to Be Human. *Posthumanism: The Future of Homo Sapiens: the unknown future of human enhancement* / Michael Bess and Diana Walsh Pasulka (eds). Praeger ABC–Clio, LLC, Pp. 201–212.
7. Chapple, Christopher Key. (2014) Hinduism: Many Paths, Many Births. *Transhumanism and the Body: The World Religions Speak* / Calvin Mercer and Derek F. Maher (eds). New York: Palgrave Macmillan. Pp. 51–66.
8. Chapple, Christopher Key. (2014) Jainism: The Good Life and the Transcendence of Death. *Transhumanism and the Body: The World Religions Speak* / Calvin Mercer and Derek F. Maher. (eds). New York: Palgrave Macmillan. Pp. 85–100.
9. Cira, Călin Emilian. (2020) The Christian Orthodox Faith and Christian Transhumanism. *SUBBITO 65*. No. 1. Pp. 71–80.
10. Clay, Eugene. (2011) Transhumanism and the Orthodox Christian Tradition. *Building Better Humans? Refocusing the Debate on Transhumanism* / Hava Tirosh-Samuelson and Kenneth L Mossman (eds). Peter Lang. Internationaler Verlag der Wissenschaften. Pp. 157–180.
11. Cole-Turner, Ronald. (2009) Extreme Longevity Research: A Progressive Protestant Perspective. *Religion and the implications of radical life extension* / Derek F. Maher, Calvin Mercer (eds). Palgrave Macmillan, Pp. 51–61.
12. Dorff, Elliot N. (2009) Becoming Yet More Like God: A Jewish Perspective on Radical Life Extension. *Religion and the implications of radical life extension* / Derek F. Maher, Calvin Mercer (eds). Palgrave Macmillan, Pp. 63–74.
13. Fohr, Sherry E. (2009) Karma, Austerity, and Time Cycles: Jainism and Radical Life Extension. *Religion and the implications of radical life extension* / Derek F. Maher, Calvin Mercer. (eds). Palgrave Macmillan, Pp. 75–84.
14. Gallaher, Brandon. (2022) Technological Theosis? An Eastern Orthodox Critique of Religious Transhumanism. *Religious Transhumanism and Its Critics* / Gouw Arvin M., Green Brian Patrick, Peters Ted (eds). Lexington Books, Pp. 161–181.
15. Herbrechter, Stefan. (2013) *Posthumanism: A Critical Analysis*. Bloomsbury Academic.
16. Heup Young Kim. (2022) Perfecting Humanity in Confucianism and Transhumanism. What Heaven imparts to human is called human nature. *Religious Transhumanism and Its Critics* / Gouw Arvin M., Green Brian Patrick, Peters Ted (eds). Lexington Books, Pp. 101–112.
17. Huxley, Julian. (1957) *New Bottles for New Wine*. London: Chatto & Windus.
18. Keith, Julian R. (2018) Buddhist Biohackers: The New Enlightenment. *Posthumanism: The Future of Homo Sapiens* / Michael Bess and Diana Walsh Pasulka (eds). Cengage Gale, Pp. 213–225.
19. Lidke, Jeffrey S., Dirnberger, Jacob W. (2009). Churning the Ocean of Milk: Hindu Tantrism and Radical Life Technologies. *Religion and the implications of radical life extension* / Derek F. Maher, Calvin Mercer (eds). Palgrave Macmillan, Pp. 97–110.
20. Maher, Derek F. (2009) Two Wings of a Bird: Radical Life Extension from a Buddhist Perspective. *Religion and the implications of radical life extension* / Derek F. Maher, Calvin Mercer (eds). Palgrave Macmillan. Pp. 111–122.
21. Mahootian, Farzad. (2011) Ideals of Human Perfection: A Comparison of Sufism and Transhumanism. *Building Better Humans? Refocusing the Debate on Transhumanism* / Hava Tirosh-Samuelson and Kenneth L Mossman (eds). Peter Lang; Internationaler Verlag der Wissenschaften, Pp. 133–156.
22. Mavani, Hamid. (2014) Islam – God's Deputy: Islam and Transhumanism. *Transhumanism and the Body: The World Religions Speak* / Calvin Mercer and Derek F. Maher (eds). New York: Palgrave Macmillan, Pp. 67–84.

23. Mercer, Calvin. (2014) Protestant Christianity – Sorting Out Soma in the Debate About Transhumanism: One Protestant’s Perspective. *Transhumanism and the Body: The World Religions Speak* / Calvin Mercer and Derek F. Maher (eds). New York: Palgrave Macmillan. Pp. 137–154.

24. Nichols, Terence L. (2009) Radical Life Extension: Implications for Roman Catholicism. *Religion and the implications of radical life extension* / Derek F. Maher, Calvin Mercer (eds). Palgrave Macmillan. Pp. 133–144.

25. Samuelson, Norbert and Tirosh-Samuelson, Hava. (2011). Jewish Perspectives on Transhumanism. *Building Better Humans? Refocusing the Debate on Transhumanism* / Hava Tirosh-Samuelson and Kenneth L Mossman (eds). Peter Lang; Internationaler Verlag der Wissenschaften. Pp. 105–132.

26. Sharma, Arvind. (2009) “May You Live Long”: Religious Implications of Extreme Longevity in Hinduism. *Religion and the implications of radical life extension* / Derek F. Maher, Calvin Mercer (eds). Palgrave Macmillan. Pp. 145–154.

Об авторе

Тулпе Ирина Александровна, доктор философских наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000–0001–7010–6175, e-mail: tulpei@yandex.ru

About the author

Irina A. Tul'pe, Dr. Sci. (Philos.), Assistant Professor, Pushkin Leningrad State University, Sankt-Peterburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000–0001–7010–6175, e-mail: tulpei@yandex.ru

Поступила в редакцию: 20.12.2023

Принята к публикации: 15.01.2024

Опубликована: 22.03.2024

Received: 20 December 2023

Accepted: 15 January 2024

Published: 22 March 2024